

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ¹

Вопрос о том, может ли социально-философское исследование иметь прикладное значение, и, если да, каково соотношение его фундаментальных и прикладных аспектов, остается предметом старых, как мир, споров о сущности философии и ее общественном предназначении. Нисколько не отрицая значения познания ради познания, мудрости - ради мудрости, культуры - ради культуры, хотел бы обсудить с читателем некоторые социально-философские проблемы, представляющие практический интерес для граждан страны вообще, образовательного и научного сообщества – в особенности. Отчасти эти проблемы стали предметом защищенной автором в 2001 г. докторской диссертационной работы на тему: «Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества», однако в данном случае этот предмет расширен за счет аналогичных аспектов государственной политики по отношению к науке.

1. Основные понятия

Поскольку целый ряд понятий, используемых автором, отличаются многозначностью, исследуются в рамках различных наук и даже в рамках одной научной дисциплины интерпретируются различным образом, начнем с их определения.

Модернизация: понятие и «идеальные типы».

В широкой трактовке *модернизация* - это процесс перехода от традиционного (доиндустриального) общества к современному (индустриальному) и далее – к постиндустриальному. В узкой интерпретации модернизация обычно связывается в литературе исключительно с индустриализацией и ее последствиями.

Логически возможны различные модели («идеальные типы») модернизации, которым исторически в большей или меньшей степени могут соответствовать ее особенности в тех или иных странах, поддающиеся типологизации по разным основаниям.

С точки зрения стимулов развития можно выделить два типа модернизации: один базируется преимущественно на внутренних стимулах (большинство индустриально развитых стран или так называемых стран первого эшелона), другой - главным образом на стимулах внешних, включая поражение в войне, угрозу утраты национального суверенитета, колониальное завоевание и т.п. (большинство развивающихся стран Азии и Африки).

С точки зрения преобладающей культурной ориентации модернизация может выступать: как заимствованная (или навязанная), когда вместе с новыми технологиями репродуцируется и иная культура, иногда воспринимаемая как враждебная (например, петровские реформы); как самобытная, стремящаяся сочетать новейшие технологические и организационно-управленческие достижения с культурными традициями страны, переживающей модернизацию (например, послевоенная Япония - и это тем более парадоксально, что она потерпела поражение и в 1945 г. была оккупирована, тогда как петровская Россия, напротив, переживала период политического подъема и военных побед). В данном отношении применительно к России и находящимся в аналогичном положении странам модернизация, безусловно, содержит элементы вестернизации, но отнюдь не тождественна последней.

Наиболее важной для целей настоящей работы является типология модернизаций по характеру и предполагаемой траектории развития:

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-03-03487а. В ее основу положен доклад, прочитанный автором на IV Российском Философском конгрессе 25 мая 2005 г. в МГУ им. Ломоносова.

- *догоняющая модернизация (догоняющая конвергенция)* - базируется преимущественно на внешних стимулах и заимствует образцы и стереотипы культуры более модернизированных стран. Кроме этого, определение “догоняющая” указывает на отставание данного общества не только в уровне экономического и культурного развития, но и в скорости течения исторического времени, в темпах осуществления процесса модернизации;

- *опережающая модернизация (опережающее развитие)* – предполагает достаточный внутренний потенциал и по преимуществу внутренние источники развития, хотя отчасти может базироваться и на внешних стимулах; развивает культурную традицию страны, в которой осуществляется; ставит целью не воспроизведение (хотя бы и в сокращенном виде) всех этапов эволюции или современного состояния наиболее модернизированных стран, но на основе анализа и прогноза тенденций развития цивилизации – «конструирование» ее состояния в обозримом будущем. Формула опережающей модернизации – обогнать, не догоняя.

В конкретной исторической ситуации начала XXI в. эта модель предполагает обращение к опыту стран не только Запада, но и Востока. В чистом виде до настоящего времени она нигде не реализовалась, однако элементы опережающего развития присутствовали в траекториях движения СССР, Японии, Китая, новых индустриальных стран, а также Индии, совершившей прорыв в области новых информационных технологий.

Понятия образовательной и научно-инновационной политики.

Термин “политика” по количеству определений принадлежит к числу лидеров в социогуманитарных науках. Для целей настоящей работы наиболее важны три группы таких определений:

- политика как одна из сфер общественной жизни, связанная с отношениями между государствами и большими социальными группами;
- политика как собственно деятельность людей, включая политическое участие;
- политика как курс правительства, его органов, руководства крупного административно-территориального образования, политической партии и т.п.

Данные подходы являются не альтернативными, но комплиментарными, взаимно дополняющими друг друга, причем последняя дефиниция представляет собой частный случай определения политики как деятельности, и, во-первых, характеризует, главным образом, деятельность субъектов управления, а, во-вторых, акцентирует внимание на ее направленности. Это значение термина подразумевается, прежде всего, когда говорят об экономической, социальной, культурной, военной политике и т.п. Соответственно, и в данной работе термины «образовательная политика» и «научно-инновационная политика» употребляются преимущественно для обозначения политического курса.

Большинство специалистов по философским и политическим наукам не рассматривают политику в области образования и науки в качестве самостоятельных направлений, в лучшем случае включая их в структуру политики социальной или культурной. Это обстоятельство, равно как и практически полное отсутствие специальных статей на данную тему в справочных изданиях по философским, политическим и педагогическим наукам, можно рассматривать как отражение подсознательной недооценки роли образования и науки, а также соответствующих областей политики в обществе.

Как с теоретической, так и с практической точек зрения представляется необходимым различать два близких, но не совпадающих по объему и содержанию понятия: “политика в области образования” и “образовательная политика”. Первое из них охватывает комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых государством, его органами, политическими партиями и другими субъектами политического действия в отношении образования как социального института; второе, помимо этого, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений

внутренней политики государства (экономической, социальной, информационной и т.п.). Практический смысл данной концепции заключается в том, чтобы побудить властвующую элиту учитывать образовательную составляющую и прогнозировать образовательные последствия всех политических решений и действий.

В самом общем виде образовательную политику можно определить как одно из ключевых направлений внутренней политики государства, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определенного типа (или типов) личности, воспроизводство кадрового потенциала общества и воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей.

По той же логике следовало бы различать понятия «политика в области науки» и «научная политика», однако в данном случае возникают трудности терминологического свойства. Термин «научная политика» имеет давно и прочно устоявшийся смысл и интерпретируется общественным сознанием как «научно обоснованная политика». В интересующем нас аспекте понятие «научно-техническая политика», широко употребляемое в нормативно-правовых актах, также не может быть аналогом понятию «образовательная политика», ибо, во-первых, строго говоря, не охватывает сферу политики в области гуманитарных наук, а, во-вторых, указывает на влияние науки лишь в сравнительно узкой области общественной жизни – в сфере техники и отчасти производства.

В связи с этим для целей настоящей работы предлагается использовать понятие «научно-инновационная политика», которое:

а) охватывает не только научно-технические, но и гуманитарные аспекты политики в области науки;

б) указывает на необходимость и характер использования научных достижений для обновления всей общественной жизни, а не только техники и производства;

в) в отличие от понятия «политика в области науки», включает не только комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых субъектами политического действия по отношению к науке как социальному институту, но и воздействие всех основных направлений внутренней политики государства на уровень развития науки, внедрение ее достижений и формирование научных представлений в общественном сознании. В этом отношении данное понятие аналогично понятию «образовательная политика».

Совершенно очевидно: представление об образовательной и научно-инновационной политике как комплексных направлениях внутренней политики государства может стать концептуальной основой системного (в отличие от отраслевого) подхода к управлению образованием и наукой в современных сложно организованных социумах. Однако на практике, по крайней мере в современной России, в абсолютном большинстве случаев преобладает не просто отраслевой, но ведомственный подход и, как когда-то выражался Президент США Р. Рейган, правая рука власти не знает, что делает крайне правая.

2. Образовательная и научно-инновационная политика как факторы модернизации и обеспечения национальной безопасности страны.

Исследование образовательной и научно-инновационной политики вообще, а в социумах, переживающих радикальные трансформации – в особенности, невозможно без анализа социально-политической роли образования и науки, важнейшими аспектами которой является воздействие этих общественных институтов на процесс модернизации и обеспечения национальной безопасности страны. Влияние образования и науки на процессы модернизации общества, хотя и не получило достаточно полного освещения в литературе, вполне очевидно. Напротив, взаимосвязь образования и науки с национальной

безопасностью еще недавно воспринималась как нонсенс, либо интерпретировалась крайне узко (секретные научные разработки, в том числе новых видов вооружений, военная подготовка, обучение специалистов для спецслужб и т.п.).

Между тем, не совпадая ни по объему, ни по содержанию, ни по аспекту отражения реальности, понятия “модернизация” и “национальная безопасность” с точки зрения их научно-образовательных аспектов имеют между собой много общего, и это не случайно, ибо в современном мире национальная безопасность любого народа может быть обеспечена только на базе успешной модернизации. Модернизация – одно из необходимых условий национальной безопасности, условие интегральное, определяющее, но не исчерпывающее.

Национальная безопасность в научно-образовательном измерении.

Разумеется, при таком подходе проблема национальной безопасности должна быть выведена из плоскости национального вопроса. Национальная безопасность – не безопасность одного из этносов, проживающих на территории данной страны, пусть даже самого крупного, ведущего этноса. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Такое понимание национальной безопасности вошло в мировую политику и науку – от американского президента Т. Рузвельта, который предложил данный термин, через “школу политического реализма” до современных теоретиков.

Рассматриваемые в контексте воспроизводства человеческого потенциала, образование и наука выступают универсальным фактором, как модернизации, так и обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все без исключения формы организации макросоциальной (социетальной) системы, на все без исключения ее структурные элементы, а тем самым – на все уровни национальной безопасности (безопасность общества, государства, личности) и ее главные составляющие.

Совершенно очевидно:

1) экономическая и военная безопасность современного государства немислимы без квалифицированных кадров;

2) технологическая безопасность невозможна без тех же кадров и научных разработок;

3) по поводу экологической безопасности зарубежные и отечественные специалисты по инвайронментальной социологии сходятся во мнении, что без новой культуры выживания, без так называемого инновационного обучения человечество обречено на катастрофу. Спорят лишь о том, сколько времени осталось цивилизации на осознание губельности технологической экспансии, не подкрепленной духовным совершенствованием, - 40, 70 или 100 лет;

4) что касается безопасности культурного развития, выделяемой многими специалистами, то образование как фундамент культуры, несомненно, является ее основой, а наука – одним из важнейших компонентов, значение которого нарастает пропорционально уровню развития технологической цивилизации;

5) и, наконец, ни одна общественная система, ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии специфического феномена, «стержня» культуры – системы ценностей, объединяющей ее членов. Нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу или, хуже – в гигантскую банду. Одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию.

Интересно, что некоторые показатели научно-инновационной политики прочно и достаточно давно введены исследователями в систему параметров национальной безопасности. Так, по мнению Г.В. Осипова, одним из таких показателей является выделение на научные исследования не менее 2% от ВВП². Однако в большинстве работ, посвященных национальной безопасности, образовательная проблематика вообще не

² Г.В. Осипов. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – С. 47.

выделяется, а равно отсутствует понимание непосредственной связи уровня национальной безопасности и степени модернизации страны. В этой связи представляется необходимым в первом приближении сформулировать систему образовательных параметров национальной безопасности. Эта система могла бы отчасти основываться на принятых в международной практике индикаторах, поставленных в иной контекст, и, в частности, включить в себя показатели, фиксирующие:

- долю расходов на образование от ВВП, от расходной части консолидированного бюджета и бюджетов различных уровней;
- среднее число лет обучения населения старше 16 лет;
- средние показатели уровня знаний обучающихся, получаемые при сравнительных международных исследованиях;
- долю выпускников образовательных учреждений среднего (полного) общего образования, учреждений всех уровней профессионального образования (за исключением послевузовского), признанных практически здоровыми по медицинским показателям;
- численность в расчете на 10 тысяч населения студентов высших учебных заведений, учреждений среднего профессионального образования, а также учащихся в системе начального профессионального образования;
- долю выпускников учреждений среднего (полного) общего и профессионального образования, имеющих положительную социальную мотивацию, выявляемую при социологических опросах. Совершенно очевидно: отражая основные аспекты проблемы (количественные, качественные, ценностные), данная система показателей отнюдь не является исчерпывающей и нуждается в дальнейшей разработке³.

Образование и наука как основа модернизации России.

В контексте государственных (национальных) интересов существует целый ряд факторов, объективно превращающих образование и науку в основу модернизации России. Назовем некоторые из них.

1. Высокий уровень развития этих социальных институтов в советский период. Как известно, СССР был второй научной державой мира и располагал одной из лучших в мире систем образования. Популярный тезис о том, что эта система была лучшей в мире, трудно доказать, однако ее передовые позиции в докомпьютерный период подтверждены сравнительными социологическими исследованиями.

2. Высокая инерционность систем образования и науки, связанная с характером преемственности в культуре вообще, а также с длительным циклом воспроизводства и особой ролью моральных стимулов к труду в этих сферах общественной жизни, в частности. Эта высокая инерционность проявилась в ходе российских радикальных трансформаций 1990-х гг., когда качественные сдвиги в области образования и науки (хотя к последней это относится в меньшей мере) были выражены значительно слабее, чем, например, в политической жизни. В то же время чрезвычайно сложными оказались задачи поддержания необходимого уровня названных социальных институтов как ключевых сфер культуры, обеспечивающих преемственность «старой» и «новой» общественных систем.

3. Ограниченность других модернизационных ресурсов, отвечающих требованиям постиндустриальной революции: предложения ряда отечественных политических лидеров осуществлять модернизацию за счет увеличения добычи сырья (например, на основе соглашений о разделе продукции) приведут лишь к досрочному истощению невозобновляемых природных ресурсов и окончательному превращению страны в сырьевой придаток государств «золотого миллиарда»; индустрия и сельское хозяйство находятся в посткатастрофическом состоянии и нуждаются в модернизации, которая, в свою очередь, может быть осуществлена, прежде всего, на основе развития наукоемких технологий и кадров высшей квалификации, обладающих значительным творческим

³ Подробнее см.: Смолин О.Н. Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. – М.: 2001, с.89.

потенциалом⁴. В этой связи создание громадного стабилизационного фонда на фоне хронического недофинансирования образования, медицины, науки и культуры представляется абсурдом, тогда как его превращение в инвестиционный фонд (фонд будущих поколений) – «категорическим императивом» для национальной безопасности и модернизации страны. Забегая вперед, стоит заметить: на взгляд автора, не менее половины дополнительных доходов федерального бюджета необходимо инвестировать в «человеческий капитал».

4. Исчерпанность возможностей осуществления «варварской» модернизации, причем как левого, так и правого толка. История России (и не только России) знает примеры, того, как модернизация общества осуществлялась за счет истощения, частичной деградации или даже частичного уничтожения главного ресурса общественного развития - человеческого.

Однако, во-первых, такой антагонистический характер прогресса был возможен либо на стадии доиндустриальной цивилизации (петровские реформы), либо на стадии экстенсивной индустриализации (сталинский “перелом”). Построение же постиндустриального общества в прямом и переносном смысле на костях миллионов людей представляется невозможным по причинам, связанным, с одной стороны, с принципиальным изменением роли “человеческого фактора” в современных индустриальных и социальных технологиях, а с другой – с продолжающейся в стране с 1992 г. демографической катастрофой.

Во-вторых, даже “варварские” модернизации в досоветский и особенно в советский периоды во многом базировались на форсированном развитии образования и науки, хотя этому развитию нередко придавался гипертрофированно идеологический характер. Вопрос о том, когда соответствующая необходимость будет практически реализована постсоветской отечественной политической элитой, остается открытым. В любом случае ***императивом времени является формула: через образование и науку - к реформированию общества в интересах большинства народа.***

Из сказанного следует вывод, что методы реформирования науки и образования в России не могут быть заимствованы из других сфер общественной жизни, в том числе в силу названного высокого уровня их развития в Советском Союзе и их высокой инерционности. Ныне для обеспечения модернизации страны сохранение высокого образовательного и научного потенциала важнее проведения реформ. Эволюция здесь принципиально предпочтительнее революций.

Глобальный контекст российской модернизации. Проблема социально-образовательного детерминизма как новой философско-социологической парадигмы.

В глобальном контексте роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России связана с перспективами ее перехода к информационному обществу (“обществу профессионалов”, “обществу знаний” и т.п.), в связи с чем в общественной жизни лидирующих в экономическом развитии государств происходит ряд качественных изменений.

Так, согласно далеко не полным данным, в начале 1990-х гг. «накопленный человеческий капитал в развитых зарубежных странах превышал объем вещного основного капитала в среднем в 1,5 раза, а вклад знаний и образования в прирост валового внутреннего продукта (ВВП) оценивался примерно в 60%»⁵. «Удельный вес сферы услуг в

⁴ Министр финансов России А. Кудрин объявил о намерении в 2007 г. обеспечить объем ВВП, равный его величине в 1990 г. Если этот прогноз будет реализован, во-первых, определится цена отечественных радикальных трансформаций в единицах исторического времени - 17 лет (мировой рекорд продолжительности экономического кризиса в мирное время, по меньшей мере, за четыре века Новой и Новейшей истории человечества); во-вторых, достижение выраженного в денежной форме объема ВВП 1990 г. отнюдь не означает, что этот объем будет достигнут и в натуральных показателях, поскольку значительную его часть образуют доходы от нефти, резко выросшей в цене.

⁵ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002-2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. – М.: 2003, с. 19.

ВВП в начале XXI века варьирует в пределах от 62% в Японии до 72% в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т.д.)»⁶.

Происходящие в современном обществе процессы в определенном смысле аналогичны тому, что совершалось в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне. Как известно, в условиях доиндустриальной цивилизации до 90% населения были заняты в сельском хозяйстве при хронической нехватке продуктов питания и периодически возникающих «голодовках» целых регионов, стран и даже континентов. Однако, как впоследствии выяснилось, условием решения продовольственной проблемы, похоронившим «железный закон» Мальтуса, стало ... переселение большей части крестьян в города и, соответственно, их перемещение из сферы сельского хозяйства в промышленное производство. Аналогичным образом, в настоящее время для того, чтобы обеспечить удовлетворение основных рационально обоснованных материальных потребностей человека, большая часть работников должна переместиться из сферы материального производства в производство духовное⁷.

Точно так же, если в условиях классической индустриальной экономики ведущую роль в расширенном воспроизводстве играло так называемое первое подразделение первого подразделения (производство средств производства для производства средств производства), то в условиях постиндустриальной системы аналогичная роль обеспечивается воспроизводством человеческого потенциала и, прежде всего, образованием⁸. Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было многократно показано отечественными и зарубежными экономистами (С.Г. Струмилин, Э. Денисон), уже в XX в. образование стало областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

В свете всего сказанного представляется возможным высказать следующую гипотезу: одним из главных социально-философских оснований стратегии модернизации современного общества (в том числе, разумеется, и российского) должен стать социально-образовательный детерминизм, который выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, ибо означает не отказ от признания определяющей роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни.

Забегая вперед, отметим, что эта гипотеза в случае ее принятия в качестве основы управленческих решений, предполагает значительные изменения в курсе отечественной социально-экономической политики и внутренней политики в целом.

3. Противоречия федеральной образовательной и научно-инновационной политики в постсоветской России.

В российском общественном сознании стало едва ли не общим местом мнение о том, что отечественная социальная реальность - реальность особого рода, которая изобилует парадоксами. Большинство писавших на эту тему, включая столь различных мыслителей, как П. Чаадаев и Н. Бердяев, видели причины такой парадоксальности в особенностях отечественного культурного развития. Намереваясь изложить ниже иную точку зрения, отметим в данном случае, что парадоксами изобилует также отечественная образовательная и научно-инновационная политика постсоветского периода, причем это отнюдь не те парадоксы, другом которых поэт считал гения. Вот лишь некоторые тому примеры.

⁶ Там же: с. 19.

⁷ А. Бузгалин, А. Колганов. Теория социально-экономических трансформаций. М.: ТЕИС, 2003. – С. 63.

⁸ А. Бузгалин, А. Колганов. Глобальный капитал. М.: УРФФ, 2004. – С. 83.

Парадокс №1: Утверждение экономического детерминизма в качестве основы отечественной государственной политики посредством критики...«экономического детерминизма».

Общеизвестно: новая экономическая и политическая философия в постсоветской России утверждалась ее «отцами-основателями» как противовес официальному «советскому марксизму». Характеристика последнего не входит в задачи автора, хотя, как представляется, именно к нему вполне применимы известные слова К. Маркса, отказывавшегося признать себя «марксистом». В данном случае важно другое: провозглашая основным методологическим пороком отвергаемого марксизма узко экономический подход, на месте отвергнутого «экономического детерминизма» его критики утвердили новую версию... экономического детерминизма. Причем в виде двух примитивизированных его разновидностей: монетаризма и концепции собственности как доминирующего (едва ли не единственного) фактора экономической эффективности.

Во-первых, подобно тому, как на рубеже 1920-30-х гг. большевики определяли успехи «социалистического строительства» в СССР процентом коллективизации, так и антибольшевики (на самом деле – небольшевики наизнанку) в 1990-х гг. измеряли эффективность рыночных реформ процентом приватизированных отечественных предприятий.

Во-вторых, важнейшим инструментом управления экономикой постсоветскими Правительствами было признано регулирование (точнее, предельное ограничение) объема денежной массы, и тем самым экономический детерминизм, признающий экономику фактором, непосредственно определяющим едва ли не всю общественную жизнь, был не просто сохранен, но редуцирован к детерминизму финансовому. Использование методологии экономического детерминизма, да к тому же в примитивизированной форме, означало, естественно, отнесение образовательной и научно-инновационной политики к периферийным направлениям внутренней политики государства со всеми вытекающими последствиями.

Между прочим, стоит отметить, что часть бывших советских марксистов, критикуя новый экономический подход и доказывая невозможность механического переноса рыночных отношений с Запада на почву иной культуры, в свою очередь, фактически опиралась на социо-культурный детерминизм М. Вебера. Впрочем, с инверсией традиционных методологий и политических платформ в постсоветской России мы еще встретимся.

Парадокс № 2: Коллективный квазиэдипов комплекс в управленческих структурах.

Вряд ли в отечественной истории удастся найти другой период, подобный постсоветскому, когда бы в составе правящей политической элиты было так много людей с учеными степенями и, вместе с тем, когда бы в мирное время наука и образование оказывались в столь критической финансово-экономической ситуации. Странник фрейдистской парадигмы мог бы, вероятно, написать научный трактат о том, как и почему представители научного и образовательного сообщества, попадая из академических сфер во властные структуры, будто обуреваемые комплексом Эдипа, способствуют уничтожению тех, кому они обязаны своим рождением в качестве ученых⁹.

Представляется, однако, что фрейдизм, вообще мало продуктивный при объяснении макросоциальных процессов, вообще не имеет отношения к парадоксам отечественной образовательной и научно-инновационной политики, объяснение которым будет дано ниже.

Весь мировой опыт XX в., и в особенности второй его половины, свидетельствует: при сколько-нибудь продуктивном экономическом механизме именно инвестиции в

⁹ К середине 1990-х годов восходит легенда (впрочем, похожая на правду), согласно которой на одном из заседаний правительства премьер В. Черномырдин задал своим коллегам вопрос: кто из вас имеет ученые степени? – Поднимите руки. А когда выяснилось, что степени имеют все, продолжил риторически: за что же вы так не любите науку, мать вашу?

образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации общества. Практически все страны, сумевшие добиться на определенных временных интервалах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого “экономического чуда”), за несколько лет до этого осуществляли серьезные финансовые “вливания” в сферу образования, во многом “чудо” и порождавшие. В свою очередь, в индустриально развитых странах экономический подъем и сравнительно высокий уровень жизни относительного большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, Италии.

В отечественной истории аналогичная закономерность, хотя и с учетом качественных различий между общественными системами, также проявлялась на протяжении ряда десятилетий (1930-1960-е гг.). Затем тенденция изменилась в худшую сторону, а в 1990-е гг. стала прямо противоположной.

Так, по оценкам Всемирного Банка, доля расходов на образование в ВВП составляла в СССР в 1970 г. 7 %, в США, Франции и Великобритании в середине 90-х гг. - от 5,3 до 5,5 %, а в России в 1992 г. - 3,4 %. С учетом сокращения ВВП приблизительно вдвое в 1990-94 гг. расходы на образование в реальном исчислении составили в середине 90-х годов не более четверти к уровню расходов 1970 г. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 г. курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен - не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 гг. приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования - менее чем на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 90-х годов приблизительно еще в 2 раза.

Согласно заявлению председателя Правительства РФ М. Фрадкова, к началу 2005 г. ВВП на душу населения в России оказался в 3-4 раза ниже, чем в других странах «восьмерки». При этом на здравоохранение в этих государствах затрачивается 6-8% ВВП, а в России – 3%; на образование, соответственно, 4-6% и менее 4%.

«Можно ли в таких условиях рассчитывать», - задал вопрос премьер, - что без дополнительных финансовых вложений социальные реформы дадут ожидаемый эффект?»¹⁰ Ответом на этот вопрос стал, видимо, проект Федерального бюджета на 2006 г., предусматривающий при увеличении федеральных расходов в целом на 40% рост расходов на образование (за вычетом компенсаций федеральным образовательным учреждениям за утрачиваемые налоговые льготы) менее чем на 30%.

Еще более тяжелые потери понес в постсоветский период научный потенциал страны. Приведем мнение экспертов.

«По сравнению с 1992 годом численность научного персонала сократилась почти вдвое: с 1532,6 тыс. человек до 870,9 тыс. человек. К началу 2004 года в научном секторе исследованиями и разработками занималось 866, 2 тыс. человек. Численность исследователей снизилась с 804,1 тыс. человек до 414,7 тыс. человек, т.е. также почти вдвое. Таким образом, утверждение об оттоке кадров из науки более чем справедливо»¹¹. По другим данным, в России число специалистов в сфере НИОКР сократилось с 1,9 млн. в 1990 году до 772 тыс. в 1999 году, а федеральное финансирование науки в 1990-х гг. - приблизительно в 20 раз.

Несмотря на некоторое расхождение с данными, приведенными М. Фрадковым, авторы «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» рисуют в целом ту же картину: «На науку в России в последние годы направляется 1, 6 % ВВП. В развитом мире – в среднем не менее 2-2,2 %, на образование – соответственно около 3 % и

¹⁰ См. стенограмму пленарного заседания Госдумы 9 февраля 2005 г.

¹¹ Сколько стоит Россия // Под ред. И.А. Николаева - М.: 2004. - С. 220.

6 %, на охрану здоровья- 2,4 – 3,5 % и от 8 до 14 % ВВП. И это при кратном разрыве в объеме общественного продукта»¹².

Как уже отмечалось, согласно стандартам, принятым в индустриально развитых странах, предельно допустимым для национальной безопасности уровнем расходов на науку принято считать 2% ВВП. Что касается расходов на науку Российского Федерального бюджета, то в 1990-х - начале 2000-х гг. они составляли приблизительно 0,3 % его расходной части с небольшими вариациями в ту или иную сторону. Поскольку в Федеральном бюджете на 2005 год раздел «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» упразднен, определение этого показателя стало вообще затруднительным.

В Федеральном Законе № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. на протяжении восьми лет (1996 – 2004) действовал норматив об обязанности государства выделять на науку не менее 4% расходной части Федерального бюджета, однако в действительности эти расходы не превышали 2 %. На совместном заседании Совета безопасности России, Президиума Госсовета и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям, которое состоялось 30 марта 2002 года, было принято решение довести расходы Федерального бюджета на науку до 4% к 2010 г. (т.е. поэтапно исполнить закон), а также утвержден график наращивания таких расходов по финансовым годам. Однако Федеральным Законом №122 от 22 августа 2004 года (так называемый «закон о монетизации») положение о выделении 4% расходной части Федерального бюджета на науку было из законодательства исключено. Почти одновременно Еврокомиссия приняла рекомендацию к странам – членам Евросоюза: увеличить расходы на науку за счет всех источников до 3% ВВП.

Парадокс № 3: Попытка вхождения в цивилизацию по попятной траектории.

Отечественные политические лидеры (по европейским меркам «новые правые») на протяжении 1990-х гг. постоянно прокламировали намерения “войти в цивилизацию” или догнать ее, но в отношении образования и науки стимулировали движение едва ли не в прямо противоположную сторону. Во всяком случае, противцивилизационные тенденции в политике государства в отношении образования и науки явно преобладали над процивилизационными. Помимо приведенных выше данных о сокращении финансирования образования и науки, а также численности научного персонала, это относится и к такому ключевому направлению политики государства, как отношения собственности.

История образовательной политики индустриально развитых стран, а равно и европейских стран с переходной экономикой, не знает примеров сколько-нибудь массовой приватизации образовательных учреждений. Напротив, история постсоветской России примерами попыток такой приватизации изобилует. Так, в первой половине 1990-х годов правительственными структурами было разработано не менее пяти законопроектов, направленных на обеспечение «обвальной» приватизации в сфере образования; в 1998 г. - проект приватизации вузов¹³; наконец, в 2004 г. - предложения о приватизации учреждений дополнительного профессионального образования¹⁴.

Между тем, для любого неидеологизированного специалиста последствия массовой приватизации образования очевидны:

- резкое сокращение бюджетного финансирования образовательных учреждений в связи с их превращением в негосударственные и, соответственно, уменьшением государственных обязательств перед ними в юридическом и социально-психологическом плане;

¹² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002 – 2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. - М.: 2003. - С.28.

¹³ Подробнее см. Смолин О.Н. Знание – Свобода. – М.: 1999. – С. 85-87, 106-114.

¹⁴ Подробнее см.: Смолин О.Н. Крестики – нолики. // Народное образование. – 2005. - №1. – С. 20-27.

- вследствие этого качественный рост доли платных для гражданина образовательных услуг за счет бесплатных;

- в связи с крайне низким средним уровнем жизни и узостью средних слоев, представители которых способны оплачивать образование, сокращение (возможно, в несколько раз) количества обучающихся, превращение образования в привилегию для избранных;

- по причине дефицита финансов и отсутствия государственного управления превращение образовательной деятельности для многих учебных заведений во второстепенную, вытеснение ее коммерческой деятельностью, распродажа имущества, новый передел собственности под видом ее раздела, который и составляет “тайну” российской приватизации вообще;

- вследствие всех названных и неназванных причин - разрушение системы образования в короткие сроки.

Парадокс № 4. Преумножение критикуемых ошибок прошлого.

Чем более новая, постсоветская власть критиковала ошибки прежней, тем более она их повторяла и умножала. В частности, после массированной критики социальной политики советского периода худшие черты ее последних лет – «остаточный» принцип финансирования культуры, науки, образования и обесценивание высококвалифицированного труда – оказались не преодоленными, но доведенными до логического конца.

Напомню: в 1940 году зарплата работников образования практически равнялась ее уровню в промышленности (97%); в 1970 г. составляла 72,7 %; в 1990 г. – 65 %¹⁵; в настоящее время она опустилась почти до 50%¹⁶. Даже Президент РФ в Послании Федеральному Собранию 2005 г. отметил: «В то же время реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х годов, а средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране: из 18 ставок единой тарифной сетки 12 – ниже прожиточного минимума, то есть для большинства работников бюджетных организаций риски попасть в зону бедности крайне высоки. И столь унижительное положение мешает людям эффективно и творчески работать»¹⁷.

Учитывая, что в индустриально развитых странах мира зарплата педагогических работников выше средней по стране, совершенно очевидно, что и в этом отношении российские «реформы» имеют противозивилизационный характер.

На протяжении всего десятилетия 1990-х среди различных профессиональных отрядов работники образования и науки по уровню оплаты труда входили в первую пятерку снизу, наряду с работниками здравоохранения, культуры и сельского хозяйства. Лишь к концу первой «пяtilетки» XXI века зарплата в науке превысила среднюю по стране. В апреле 2004 г. ее уровень составил около 8000 рублей или 124% среднего уровня по экономике»¹⁸. Прочитируем еще раз все тот же источник.

«Не безынтересно вспомнить, что в Советские времена самую высокую официальную зарплату получал Президент академии наук СССР: 700 рублей по должности плюс 500 рублей за звание академика, так называемую академическую стипендию. Итого получалось 1200 рублей. Если учесть, что средний оклад у Первых секретарей обкомов в то время был 500-600 рублей в месяц, становится понятным уровень материального благополучия главного Академика. Но тогда и простые ученые хорошо зарабатывали. Сейчас с начала 2003 года «академическая стипендия» составляет 20 тыс. рублей в месяц (постановление Правительства РФ от 24 октября 2002 года № 770).

¹⁵ См. Смолин О. Н. Знание – Свобода. - М.: 1999. - С. 164.

¹⁶ По данным Федеральной службы государственной статистики в 2003 году это отношение составило 51 %.

¹⁷ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. – Москва. Кремль. – 25 апреля 2005 г.

¹⁸ Сколько стоит Россия.//Под ред. И.А. Николаева - М.: 2004. - С.222.

Академики РАН не обделены вниманием: надбавка превышает среднюю зарплату в отрасли почти в 3 раза!»¹⁹

К сказанному стоит прибавить, что, во-первых, зарплата профессора вуза в Советские времена составляла 500 рублей, т.е. была сравнима с официальной зарплатой Первого секретаря обкома, а, во-вторых, что 20 тыс. руб. (или 700 долларов) – это достаточно скромный доход менеджера средней руки в более или менее успешно работающей московской фирме.

Как известно, на съезде профсоюза работников образования и науки 4 апреля 2005 г. министр А. Фурсенко говорил о двукратном повышении зарплаты педагогов в течение трех лет. Через три недели, 25 апреля, Президент уточнил: «считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов «бюджетников» в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты «бюджетников» должны расти как минимум в 1,5 раза быстрее, чем цены на потребительские товары». 15 июня в Госдуме министр образования и науки утверждал, что между его обещаниями и заявлением Президента нет никакой разницы. Однако это, мягко говоря, не совсем так.

Во-первых, простой расчет показывает, что при 10-процентной инфляции (без учета сложных процентов) зарплата педагогов, при оптимистической интерпретации слов Президента, вырастет на 80% ($50\% + 10\% \times 3$). Если же верить прогнозам Правительства об инфляции, убывающей по 2% в год, получается и того меньше: $50\% + 10\% + 110\% \times 8\% + 118,8\% \times 6\% = 76\%$ (округленно).

Во-вторых, Президент поставил задачу приблизить зарплату «бюджетников» к средней зарплате в стране, даже не вспоминая только что отмененную статью 54 Закона РФ «Об образовании», согласно которой ставки педагогических работников должны быть выше средней зарплаты в промышленности. Легко подсчитать, что при современных темпах экономического роста и в 2008 г. зарплата (а не ставка) педагога не превысит 2/3 зарплаты производственников.

Главное же совершенно очевидно: будет ли начинающий российский учитель, работающий на одну ставку, через три года получать вместо полутора тысяч три тысячи рублей в обесцененных деньгах или, в пересчете на современные деньги, - две с небольшим тысячи, качественно это ничего не изменит. Никакого прогноза насчет того, как именно и в какие сроки будет повышаться заработная плата в 2006-2007 гг., министр не привел. Созданная по этому вопросу рабочая группа депутатов Госдумы, в состав которой входит автор, в весеннюю сессию 2005 г. не собралась ни разу.

Напомню: дополнительные доходы Федерального бюджета (618 млрд. руб. в 2004 г., 882 млрд. руб. в первом полугодии 2005 г., т.е. в пересчете на год немногим менее двух триллионов, 776 млрд. руб. по проекту Федерального бюджета на 2006 г.) позволяют увеличить зарплату интеллигенции не в 1,5, а в несколько раз, и немедленно, а не за три года.

Предложенный автором в качестве социально-философского основания стратегии модернизации России социально-образовательный детерминизм, среди прочего, предполагает и более высокий (по сравнению с теми, кто создает вещное богатство) уровень оплаты труда тех, кто формирует человеческий потенциал как главный двигатель постиндустриальной экономики. «От противного» доказательством этому тезису может служить тот факт, что индекс развития человеческого потенциала в России в последние годы регулярно оказывается ниже, чем, например, в Белоруссии, где зарплата работников образования составляет 90% от ее уровня в промышленности.

Парадокс №5: Инверсия политических противоположностей – синдром «казарменного» либерализма и «либерального» социализма.

Согласно стандартным представлениям (впрочем, справедливым лишь отчасти), в условиях классической расстановки политических сил, социалисты, руководствуясь принципом справедливости, стремятся к созданию социальных гарантий для большинства

¹⁹ Там же: с. 222

населения путем перераспределения доходов граждан через бюджет (как иногда говорят, предпочитают делить «рыбу»). Напротив, согласно тем же представлениям, либералы ориентируются на стимулирование экономической активности граждан, создавая им возможности самостоятельно зарабатывать деньги (в аналогичных терминах – раздают «удочки»).

В противоположность этому, в постсоветской России образовательная и научно-инновационная политика правящей элиты, регулярно прокламирующей проведение радикальных либеральных реформ, тяготела, скорее, к принципу: ни «рыбы», ни «удочек». В то же время представители левой (в том числе социалистической) оппозиции регулярно отстаивали свободу для участников образовательной и научно-инновационной деятельности, включая свободу экономическую. Вот лишь один тому пример.

Как известно, в индустриально развитых странах организации, отнесенные к некоммерческому сектору, включая образовательные и научные, налогов не платят вовсе, либо пользуются широким спектром налоговых льгот. Среди прочего, такие льготы используются в целях привлечения в некоммерческий сектор частных инвестиций и создания тем самым системы многоканального финансирования образования и науки. Напротив, отечественные «радикальные реформаторы» на протяжении 1990-х годов пытались ликвидировать (а в начале XXI века в значительной степени ликвидировали) систему налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, восходящую в России к Указам Петра I, а в постсоветский период предложенную и долгое время защищавшуюся парламентскими комитетами по образованию и науке, которые по составу депутатов и персоналиям руководителей представляли, преимущественно, левую политическую оппозицию.

Пользуясь случаем, замечу: рассчитанный Комитетами по образованию и науке Госдумы II и III созывов на основе результатов голосований по всем законам и законопроектам, связанным с образованием, рейтинг поддержки образования депутатскими объединениями оказывается неизменно высоким в левой части политического спектра (постоянно лидировала фракция КПРФ) и столь же неизменно низким в его правой части (последние места регулярно занимали фракции «партии власти»). При этом деление на левых и правых осуществлялось в соответствии не с самоидентификацией политических течений, но на основе их реальной политики (так, например, если оценивать не PR-декларации, а политические инициативы и результаты голосований, партия «Единая Россия» оказывается заметно правее, чем «Союз правых сил», не говоря уже о «Яблоке»²⁰). Именно голосами фракций «Единство» - «Единая Россия», «Отечество» - «Единая Россия», «Союз правых сил» и др. в третьей Госдуме, а также фракции «Единая Россия» - в Госдуме четвертого созыва были приняты все законы, направленные на ликвидацию налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, и, соответственно, отклонены поправки, призванные обеспечить сохранение таких льгот.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: представление о том, что все должны платить одинаковые налоги (образование наравне с табачными компаниями, медицина – с водочными, а инвалиды – с «новыми русскими»), наряду с квазиэголитарной ваучерной приватизацией, выступает как очевидная политическая инверсия и пример

²⁰ Подробнее о рейтингах поддержки образования и результатах голосования по соответствующим законам, законопроектам, поправкам см.:

Смолин О.Н. Знание – Свобода. – М.: 1999. – С. 43-53.

Смолин О.Н. Излом: иное было дано? – М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001. – С. 278-295.

Смолин О.Н. Чего стоит депутатская любовь к образованию? (рейтинг фракций и групп Государственной Думы третьего созыва) // Русский мир. – 2003. - № 6. – С. 10-18.

Смолин О.Н. Стратегии образования: различия позиций депутатских объединений Государственной Думы // Социс. – 2003. - № 4. – (в соавторстве с Комаровым А.Е.).

Смолин О.Н. Образовательная политика в Госдуме второго и третьего созывов: реальные позиции фракций и депутатских групп // Народное образование. – 2003. - № 2. – С. 25-33.

того, как стереотипы примитивного «казарменного» коммунизма могут использоваться для введения не менее примитивного «дикого» капитализма с его колоссальным социальным неравенством.

Парадокс № 6. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом.

На протяжении 1990-х гг. и в первые годы XXI столетия корни многочисленных проблем в образовательной и научно-инновационной политике массовое сознание (в том числе общественное мнение соответствующих профессиональных сообществ) нередко склонно было видеть в отсутствии или недостатках законодательной базы. На те же недостатки обычно ссылались и представители исполнительной власти, по большей части игнорируя в то же время действовавшие законы.

Так, все минимально необходимые для развития систем образования и науки законодательные решения были приняты еще в 1990-1996 гг., причем на уровне как парламентской, так и президентской ветви власти. Однако они и не исполнялись, и не отменялись. Постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть делала вид, что законы для нее не писаны, либо объявляла эти законы «популистскими», «неисполнимыми», «некачественными» и т.п. Сказанное относится, прежде всего, к большинству норм и нормативов финансового характера, а также норм социозащитного характера в отношении обучающихся и работников обеих систем.

Ситуация изменилась лишь в начале XXI века с появлением в третьей Госдуме достаточно прочного проправительственного большинства (так называемая «большая четверка», включавшая фракции «Единство», «Отечество - вся Россия», депутатские группы «Народный депутат» и «Российские регионы», а также по обыкновению примыкавшую к правительственному блоку фракцию ЛДПР). В этот период исполнительная власть могла уже позволить себе в значительной степени отказаться от юридического нигилизма, введя практику ежегодного приостановления всех предусмотренных законами, но не исполняемых, социальных обязательств при принятии Федерального Закона о Федеральном бюджете на очередной год.

Однако лишь вступление в силу ФЗ № 122 от 22 августа 2004 года придало действиям Федерального Правительства легальный характер, разумеется, не путем поэтапного исполнения действовавших законов, но посредством их отмены. Этим невиданным в истории парламентаризма законодательным актом в общей сложности полностью или частично отменены 112 Федеральных Законов и иных нормативных правовых актов социального характера, а также внесены изменения (как правило, снижающие уровень социальных гарантий) в 152 таких акта.

Несмотря на все усилия представителей образования в Парламенте:

- 3,5 миллиона внебюджетных студентов государственных и негосударственных вузов рискуют получить скачкообразное повышение платы за обучение вследствие предполагаемой отмены налоговых льгот для образовательных учреждений (в том числе по налогу на имущество и земельному налогу – с 1 января 2006 г.);

- каждому седьмому бюджетному студенту грозит лишение права на бесплатное образование (в законе, правда, сохранена норма, согласно которой Россия обязана обучать за счет федерального бюджета не менее 170 студентов на 10 тысяч населения, однако исключено положение о запрете сокращать такие бюджетные места. Следовательно, Правительство получило право снизить их количество с 204 на 10 тысяч в настоящее время до 170, установленных законом);

- работники учреждений образования, здравоохранения, культуры и системы социальной защиты (за исключением федеральных) потеряли практически все государственные гарантии оплаты труда, кроме ее минимального уровня, устанавливаемого Федеральным Законом

Помимо этого, полностью отменены федеральные законы:

- «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию»;

- «О компенсационных выплатах на питание обучающихся в государственных, муниципальных общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования»;

- «О льготе на проезд на междугородном транспорте для отдельных категорий обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»;

- «О социальном развитии села» (в нем, в частности, была предусмотрена 25-процентная надбавка к зарплате для сельской интеллигенции, включая учителей, врачей и работников культуры);

- Постановление Верховного Совета РСФСР, регулировавшее уровень родительской платы за содержание детей в дошкольных образовательных учреждениях.

В тех же законах в области образования, которые не были отменены полностью, подверглись «секвестру»:

- статья «Государственные гарантии приоритетности образования»;

- положение, устанавливающее уровень оплаты труда педагогических и иных работников системы образования на уровне не ниже средней в промышленности;

- нормы, устанавливавшие право студентов вузов на бесплатный проезд к месту учебы и обратно, а также доплаты к стипендиям на питание. И т.д., и т.п., и пр.

Потери науки в результате принятия ФЗ № 122 оказались меньшими, но все же весьма значительными. Из Федерального Закона «О науке и государственной научно-технической политике» были, в частности, исключены два важных положения:

- об обязанности государства выделять на научные исследования не менее 4% от расходной части Федерального бюджета;

- о праве субъектов Российской Федерации финансировать и организовывать научные исследования (эту норму позднее частично удалось восстановить).

Возвращаясь к предыдущему парадоксу, стоит заметить, что ФЗ № 122 разрушил одновременно и социальные, и общедемократические (либерально- демократические) основы образовательного законодательства и законодательства в области науки. В результате его принятия из соответствующих законов были «вычищены» нормы не только «защитного» характера, но и положения, гарантировавшие академические свободы участникам образовательного процесса и экономические свободы образовательным учреждениям и научным организациям. Логика авторов закона оказалась не социальной, не либеральной и даже не бюрократической в смысле веберовской «рациональной бюрократии». Эта логика знаменует реинкарнацию бюрократии азиатской и отражает процесс «негативной конвергенции», т.е. объединения пороков (вместо достоинств) основных общественных систем XX века (бюрократического социализма и первоначального и не менее бюрократического капитализма).

Итак, спустя почти 15 лет постсоветской истории парадокс сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом ушел в прошлое, однако образовательная и научно-инновационная политика от этого не выиграли: курс на понижение (или, в лучшем случае, торможение развития) уровня человеческого потенциала отныне проводится в стране не вопреки закону, но на законном основании.

Парадокс № 7: Консерватизм как фактор модернизации.

В результате реализации принципов радикального экономического детерминизма во внутренней политике государства в постсоветский период российская наука и система образования оказались в более тяжелом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты. Однако уровень их деструкции значительно меньше, а эффективность - существенно выше по сравнению с аналогичными социальными системами. В свое время это было признано такими организациями, как Мировой банк, специалисты которого в 1994 г. отмечали более высокий в среднем уровень знаний российских школьников в области естествознания и математики, чем во

многих государствах организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялся целый ряд международных проектов в рамках всемирного десятилетия образования.

В этой связи вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исходного высокого уровня в советский период, помимо специфической мотивации и исключительного чувства ответственности ученых и педагогических работников, сформированного, в частности, полутрадиционной авторитарной советской общественной системой, именно инерционность, консерватизм данных социальных институтов, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляет России шансы на модернизацию в будущем. Напротив, радикальная революционная ломка образовательных и научных институтов привела бы к безнадежному отставанию от наиболее передовых стран. Видимо, отечественная образовательная и научно-инновационная политика – это тот редкий случай, когда справедливой оказывается формула Франца Йозефа Штрауса: быть консерватором – значит маршировать во главе прогресса!

4. Ключ к парадоксам: концепция революции как исторической ситуации.

Как уже отмечалось, современные исследователи в большинстве случаев ищут ключ к объяснению противоречий отечественного политического процесса, включая образовательную и научно-инновационную политику, в российской культурной традиции в широком смысле этого слова.

Так, один из крупнейших специалистов по истории и теории культуры, сторонник семиотического подхода Ю. Лотман отмечал: «Идея самостоятельности экономического развития в Западной Европе органически связывалась с постепенным развитием во времени, с отказом от «подстегивания истории». В наших условиях этот же лозунг отягощен идеей государственного вмешательства и мгновенного преодоления пространства истории в самые сжатые сроки... Даже постепенное развитие мы хотим осуществить, применяя технику взрыва. Это... - суровый диктат бинарной исторической культуры»²¹.

Не подвергая сомнению, справедливость подобного утверждения, хотелось бы заметить вместе с тем, что сама отечественная ментальность («бинарная культура») во многом сформировалась под действием катастроф, включая войны и революции. Следовательно, путь выхода из логического круга лежит через поиск тех социально-исторических причин, которые обусловили одновременно и обилие революций, и соответствующий национальный менталитет.

Политико-ситуационный анализ

Изучение политических процессов в обществах, переживающих радикальные трансформации, требует не только критического использования основных парадигм социогуманитарной науки и применения известных научных методов, но и разработки новых методов, соответствующих объекту и предмету исследования. Одним из них может служить специально разработанный автором метод политико-ситуационного анализа, который, в частности, предполагает:

- выявление характеристик и закономерностей исторических ситуаций (наряду с закономерностями исторического процесса как целого и закономерностями различных социальных систем);
- определение множеств таких характеристик и закономерностей, каждое из которых описывает определенный тип исторических ситуаций и никакой другой;
- использование одного из таких множеств в качестве критерия отнесения исследуемой исторической ситуации к определенному типу;

²¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. - М.: Гносис, издательская группа «Прогресс», 1992. - С. 270.

- прогнозирование на основе параметров и закономерностей данного типа исторической ситуации основных сценариев ее развития и наиболее вероятного из них.

Именно этот метод автор использовал для анализа отечественного политического процесса первой половины 1990-х гг., что позволило сделать нетривиальный вывод о характере отечественного политического процесса, - вывод, который в последнее время находит все большее признание, подтверждая справедливость гегелевского замечания: истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Реформа или революция

Социально-политические трансформации, происходившие в нашей стране в течение последних лет (начиная с прихода к власти М. Горбачева), в официальных политических документах и иной литературе обычно квалифицируются как радикальные реформы. Между тем, политическая наука определяет социальную реформу как изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя. Поскольку же и в экономике, и в государственном строе России в названный период произошли действительно коренные преобразования, определять характер всех этих изменений как реформистский не представляется возможным. В действительности, *в различные периоды новейшей российской истории в стране происходили как эволюционные, реформистские, так и революционные преобразования.*

Наряду с господствующей оценкой российского социально-политического процесса 1990-х гг. в качестве периода реформ, в литературе встречаются следующие его характеристики:

- революция (с различными, подчас противоположными определениями);
- контрреволюция;
- реставрация;
- антиреволюция;
- смута и др.

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям «революция», «контрреволюция», «реставрация», «реформы» ярко выраженный аксиологический аспект, помимо сложности и незавершенности самого процесса, такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание.

По количеству определений термин «революция» вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями как «общество», «цивилизация», «культура» или «личность», однако термин этот весьма многозначен, причем различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия революции в парах с соотносительными категориями.

На общефилософском уровне исследования *в паре «революция – эволюция»* первая выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное, качественное изменение, преобразующее сущность системы; вторая - как постепенное количественное изменение при сохранении сущности или как постепенное качественное изменение. С этой точки зрения, социально-политический процесс в России 1990-х гг., как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно, представляет собой революцию. Достаточно указать на:

применение «шоковой терапии», в результате которого произошло «взрывное» движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой;

обвальная характер приватизации, темпы которой на порядок превосходили по интенсивности аналогичные процессы в индустриально развитых странах (например, в Великобритании в период правления М. Тэтчер) при противоположном социально-экономическом результате;

разрушение прежней государственности (Советского Союза);

политические перевороты, а также малую гражданскую войну в Москве (октябрь 1993 г.) и две локальные гражданские войны в Чечне (декабрь 1994 - август 1996 и август 1999 – март 2000), которые обычно являются верными спутниками революций, и т.п.

На уровне политологического анализа *в паре «революция – реформа»* выделяется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории:

- революция - коренное преобразование, реформа - частичное;
- революция радикальна, реформа более постепенна;
- революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет ее основы;
- революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа - сознательно (следовательно, в известном смысле реформа может быть названа революцией «сверху», а революция - реформой «снизу»).

С теоретической точки зрения важным во всех этих определениях является однозначная характеристика реформ как переустройства отдельных сторон, элементов системы, не затрагивающего ее основ, очевидная для подавляющего большинства специалистов. Впрочем, те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в России, дружно называют реформами коренную ломку предшествующего общественного строя!

С точки зрения историко-социологической *в паре «революция - реставрация»* революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальной системы, цивилизации, формации), а реставрация - как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские «реформы» 1990-х гг., если и не представляли собой прямую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то, по крайней мере, содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а иногда их превосходившие.

Эти реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам: возвращение дореволюционного флага и герба; восстановление топонимов; коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а большинства генеральных секретарей - из героев в дьяволов); восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т.п.

При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьезный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость Гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метро никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ о том, как в славном городе Старосибирске улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее парадоксально выглядит строительство «новоделов» на фоне продолжающегося разрушения действительно старинных храмов.

Еще более парадоксально выглядят попытки восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных отношений и институтов - от сословий до монархической власти. Разумеется, мало кто станет возражать против освоения и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития «новой России», то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является признаком доиндустриальной средневековой цивилизации (феодализма), тогда как руководство постсоветской России неоднократно заявляло о намерении двигаться к цивилизации постиндустриальной.

В историко-аксиологическом аспекте *в паре «революция - контрреволюция»* первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе - преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы - не всегда прогресс, а восстановление прежней - не всегда регресс (революции тоже бывают консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязаны, но не тождественны. Последнее, подобно понятиям «прогресс» и «регресс», имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

В последнее время предприняты попытки, рассматривая проблему на политико-философском уровне, вынести ее решение за рамки традиционной «системы координат», введя для обозначения событий 1985-1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе *понятие «антиреволюция»*. При этом главный аргумент в пользу введения нового термина заключается в том, что эти события не только положили конец революционному циклу, связанному с Октябрем 1917 г., но и завершили целую эпоху революционности, порожденной Просвещением, более того, положили конец самой логике просветительской модернизации и связанной с ним революционности. «Изживание «просветительского революционизма», - отмечает Р. Саква, - означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий»²², а именно: «отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучшего мира»²³.

При этом, согласно Р. Сакве, «отказ от революционного социализма был не «революцией наоборот»..., или сокращенно, контрреволюцией, а «противоположностью революции»..., т.е. оппозицией революционному процессу как таковому»²⁴. Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: «во-первых, они (антиреволюции – *О.С.*) пытались преодолеть реальные революции, происшедшие в соответствующих странах в 1917 и 1945-48 гг., и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий»²⁵.

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только вследствие ее оригинальности, но и для того, чтобы предоставить возможность читателю самостоятельно убедиться в не слишком высоком качестве ее аргументации.

Во-первых, едва ли не единственным реальным основанием этой концепции служит сравнительно мирный, «бархатный» путь осуществления большинства революций 1989-1991 гг. Однако этого явно не достаточно для радикальных выводов об «антиреволюционных революциях», ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в т.ч. даже такими радикальными революционерами как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционеров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда ее

²² Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989-1991 годов // Полис.- 1998.- № 5.- С. 24.

²³ Там же.

²⁴ Там же.- С. 30.

²⁵ Там же.- С. 26.

сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной общественной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII в. именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящем (феодалной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в индустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличает их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее, наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг «возвращения в цивилизацию», представляющий собою по сути вариант хрущевского призыва «Догнать и перегнать», но не за счет более быстрого развития системы, а путем кардинального изменения типа общественного развития.

Как будет показано ниже, логика поведения новейших российских «антиреволюционеров» по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, именно эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительской логики представляется безнадежно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: войны в Югославии, Афганистане и Ираке убедительно показали, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление «железной рукой загнать человечество к счастью».

Наконец, в-четвертых, что касается легкости осуществления «договорных революций», то она находит свое вполне реалистическое объяснение в бюрократическом характере этих революций.

Термин «смута», нередко используемый для характеристики современного этапа российской истории, не может быть определен через оппозицию к термину «революция», хотя некоторые авторы располагают его в категориальном треугольнике: «революция - инволюция - смута»²⁶.

В действительности термин «смута», во-первых, представляет собой, скорее, образную характеристику, чем научную категорию либо понятие, характеризующее совокупность конкретных исторических событий, но не категорию политической или социологической науки. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках применение данного термина к современному периоду российской истории некорректно, ибо это явно период революции либо инволюции (деградации, разложения). По логике вещей, смута должна заканчиваться восстановлением статус-кво с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. В России же восстановление прежней системы невозможно.

Как отмечалось, в 90-е гг. XX в. термин «революция» для характеристики происходивших в стране процессов практически не применялся. Однако в начале нового века отказ от использования термина сменился его апологией, причем инициатива исходит как раз от тех, кто 10-15 лет назад не только в значительной степени определял характер трансформационных процессов, но и присвоил им наименование реформ, утверждая, что «Россия лимит на революции исчерпала».

Так, бывший помощник первого Президента России М. Краснов, отвечая на вопрос: «Что произошло в России в последнее десятилетие XX века?» заявляет: «Произошла революция. Причем Великая революция, т.е. масштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни»²⁷. Ему вторит Г. Саттаров, другой помощник Б. Ельцина, отмечающий, что «общество, которое не умеет вовремя осуществить эволюцию, заслуживает революции», называющий события конца XX века

²⁶ См. Ландау Г. Революция, бунт, смута // Новое время. - 1994. - N 40. - С.43-45.

²⁷ Эволюция российской государственности. М., 2001. - С.9.

«наша великая буржуазная российская революция» и прогнозирующий ввиду ее незавершенности новые революции²⁸.

Новое обращение к термину «революция» объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

а) период революционных преобразований в России завершен, наступил период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима. В новых исторических условиях правящей элите нет необходимости скрывать характер произошедшей в стране трансформации. Не случайно Президент РФ В.В. Путин уже в одном из телевизионных выступлений в октябре 2002 г. назвал события начала 1990-х гг. «бархатной» революцией;

б) если в конце 80-х – первой половине 90-х гг. прошлого века был дискредитирован термин «революция», то к началу XXI века дискредитированным оказался и термин «реформа». Ныне в массовом сознании этот термин прочно ассоциируется, прежде всего, с ухудшением социально-экономического положения.

Итак, популярное на рубеже 1980-90-х гг., особенно в зарубежной публицистике, выражение «вторая русская революция» гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин «реформы». Самой слабой частью этой характеристики является порядковое числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчета и объема понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) «вторая русская революция» может оказаться как третьей (после 1905 и 1917 гг.), так и шестой (после 1905, февраля 1917, октября 1917, перехода к НЭПу и сталинского перелома), а скорее всего должна рассматриваться в контексте революционной эпохи (1917 – 1997 гг.).

Революция как историческая ситуация

Суть любой революции как исторической ситуации (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в ее чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жестко навязывает участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные инновационные потенции. Пока революция не началась, пока все идет «штатно», деятельность людей подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм революции» запущен, привычные законы человеческой деятельности или работают «вхолостую», или подвергаются отрицанию, реализуясь с точностью до наоборот. Неким слабым аналогом могло бы быть сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном. Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей революционной ситуации, предшествующей революции во времени.

Чаще всего общие ситуационные закономерности революций - системно или бессистемно, в «сборе» или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него - уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, убежденных адептов «религии революции» или ее не менее убежденных противников. Однако именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто - сознательно или бессознательно - приписываются лишь той (или тем) революции, идеология которой противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым «первородным грехам» революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является иной автор. Впрочем,

²⁸ Там же. - С. 44, 45.

теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности.

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по «горизонтали»), так и в диахроническом (по «вертикали») плане. Последний, «диахронический» аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, «жесткость» ситуационных закономерностей во время революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789-94 гг. по многим параметрам политического процесса гораздо более походит на Россию 1917-21 гг., чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Согласно разработанному автором политико-ситуационному подходу, любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определенным набором признаков и может рассматриваться: как бифуркация; как катастрофа (или серия множественных катастроф); как радикальное отрицание; как всеобщий конфликт; как аномия; как «праздник»; как фактор глобальной мифологизации массового сознания; как процесс смены политических элит; как трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постреволюционного) авторитаризма. При этом необходимо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства.

Во-первых, каждая из названных характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции нового и новейшего времени, то есть в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни один из этих параметров не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из них в отдельности или в определенной избирательной совокупности наблюдаются и в других типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т.п.). Так, бифуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены культурных стилей или научных парадигм; аномия - в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; выдвижение мифов и утопий - во время генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором названных характеристик и закономерностей не обладает ни один другой тип исторических ситуаций. В совокупности эти параметры дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторических ситуаций и никакой другой.

Ключ к парадоксам

Представляется, что именно концепция революции как исторической ситуации и соответствующая интерпретация отечественного социально-политического процесса первой половины 1990-х гг. более полно и глубоко, чем другие концептуальные объяснения, позволяет понять причины описанных выше парадоксов образовательной и научно-инновационной политики. Например:

- множественные революционные катастрофы (прежде всего экономическая и финансовая), а также закон смены политических элит и характер его проявления в России, в значительной мере объясняют квазиэдипов комплекс в управленческих структурах, т.е. обвальное сокращение уровня государственной поддержки образования и науки;

- именно логика революционного отрицания дает ключ к пониманию попытки догнать цивилизацию по попятной траектории и инверсии политических противоположностей, включая феномен «казарменного либерализма». Тот же феномен, связанный с нарастанием бюрократизации квазилиберальной политики, объясняется

закономерностью смены революционной демократии постреволюционным авторитаризмом;

- всеобщее радикальное отрицание прошлого в сочетании с мифологизацией массового сознания дает возможность истолковать феномен смены «советского марксизма» новыми разновидностями радикального экономического материализма, включая монетаризм;

- революционная аномия, наряду с другими ситуационными характеристиками революции, выступает причиной парадоксального сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом; и т.д. и т.п.

Особенность развития отечественных систем образования и науки заключалась в следующем: несмотря на деструктивное воздействие социальной реальности, в первой половине 1990-х гг., в отличие от социума в целом, они переживали не революцию, но реформы. Помимо отмеченной уже высокой инерционности этих общественных институтов, одним из факторов, смягчивших последствия «второй русской революции», в данном случае стало законодательство.

Хотя правовые механизмы воздействия на образовательную и научно-инновационную политику всегда ограничены экономическими, институциональными, политическими и нравственно-идеологическими рамками (а в ситуации революции ограничены вдвойне), в 1990-х гг. законодательство в сфере образования и, в меньшей степени, науки сыграло роль буфера между революционно изменяющейся социальной и инерционной образовательной системами. В частности, принятые федеральные законы, несмотря на хроническое неисполнение содержащихся в них норм, позволили в целом удержать образовательную и отчасти научно-инновационную политику в рамках реформ и тем самым защитили обе системы от революционного разрушения, которому подверглись многие отрасли производства и социальные институты.

В действительности именно сохранение реформистского характера образовательной и научно-инновационной политики в рамках революционного изменения социально-экономической и политической системы в целом объясняет тот отмеченный выше общепризнанный факт, что состояние российского образования и науки в настоящее время лучше, чем большинства других социальных институтов, и представляет собой главный результат деятельности законодателя.

Тем не менее, результаты социально-политической революции в стране отразились на отечественном образовании самым непосредственным и далеко не лучшим образом.

Так, согласно результатам известного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2000, Россия оказалась в третьей (нижней) группе, т.е. среди 14 стран, результаты которых статистически значительно ниже средних результатов стран ОЭСР (наряду с Испанией, Италией, Германией, Польшей, Грецией, Латвией, Бразилией и др.)²⁹.

Эти данные, как правило, интерпретируются в отечественной литературе двояким образом, причем обе трактовки, мягко говоря, не отличаются глубиной. Согласно одной из трактовок, низкий уровень ответов российских школьников является доказательством необходимости максимально быстрой перестройки отечественной системы образования по западным образцам. Согласно другому мнению, (1) школьники многих развитых стран потому имеют более высокие показатели по сравнению с российскими сверстниками, что система заданий ориентирована именно на западные образовательные программы, и (2) сами задания сформулированы крайне некорректно³⁰.

²⁹ Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2000 (краткий отчет). – М.: 2002. – С. 10.

³⁰ Например: X живет от города на расстоянии 2 км, а Y – на расстоянии 3 км. На каком расстоянии X живет от Y? (Совершенно очевидно, что расстояние определить невозможно, ибо в задании не указано, в каком направлении от города живут оба лица).

Совершенно очевидно: сторонники первого подхода «забывают» о том, что отечественная система школьного образования еще 12-15 лет назад давала высокий уровень знаний, особенно в области естественно-математических дисциплин; сторонники же второй интерпретации полученных результатов, напротив, не учитывают того факта, что качество образования на фоне множественных катастроф не может оставаться неизменным; наконец, обе позиции неожиданным образом совпадают в том, что ориентируются на существующие (или существовавшие) модели образовательных систем без учета нового темпа изменения реальности.

В настоящее время этот темп таков (причем он все более ускоряется), что если прежде происходило устаревание профессионального образования в течение каждых 5-10 лет, то перед современным и будущими поколениями открывается реальная перспектива устаревания образования общего (школьного) и, соответственно, необходимость обновления в течение всей жизни таких знаний и умений (компетенций), которые необходимы любому гражданину, потребителю услуг, пользователю технических систем и т.п.

В этой связи повторим еще раз: в России «революция знаний» возможна исключительно на базе эволюционных (но не революционных) изменений в образовательной политике государства.

5. Выводы. Концепция опережающего развития на базе образовательной и научно-инновационной политики.

С учетом всего сказанного представляется возможным сделать следующие выводы.

1. При попытке осуществить догоняющую модернизацию Россия имеет высокие шансы «отстать навсегда» (т.е. на весь обозримый исторический период) от группы государств так называемого золотого миллиарда. Аргументы в пользу такого вывода сводятся к следующим.

1.1. Нарастание отставания от наиболее развитых стран в последние годы советского периода в связи с неспособностью «административно-командной системы» освоить новый виток технической революции. Согласно некоторым экспертным оценкам, на стадии экстенсивной индустриализации (вторая половина 1920-х – середина 1960-х гг.) СССР развивался более высокими темпами по сравнению со странами Запада, с середины 1960-х до середины 1970-х гг. эти темпы были примерно одинаковыми, а после этого отставание нарастало вплоть до экономического кризиса конца 1980-х гг.

1.2. Качественно новый уровень отставания России от «цивилизации» в постсоветский период. Помимо уже упоминавшегося заявления А. Кудрина о том, что по объему ВВП Россия достигнет 1990 г. в 2007 г., обращают на себя внимание интегрированные показатели, дающие представление об отечественном уровне социального развития. Согласно международным оценкам, по качеству жизни Россия занимает 105-е место в мире, по продолжительности жизни женщин – 108-е место, мужчин – 128-е. В соответствии со стандартными стереотипами, использовавшимися в рамках политической агитации, в 1990-х граждане России обменяли «колбасу» на свободу. Однако и эти данные не подтверждаются исследованиями международных организаций. Так, по данным организации «Репортеры без границ», в 2002 по уровню свободы печати Россия занимала 121 место из 139, в 2003 – 147 из 193, а в 2004 – 140 из 167³¹. Упомянутый выше парадокс о вхождении в цивилизацию по попятной траектории, таким образом, проявляется отнюдь не только в сфере образовательной политики.

1.3. Сохранение сырьевого характера российской экономики и относительно низкие темпы ее развития. По официальным прогнозам, в 2005 г. отечественный экономический рост на десятки доли процента превысит среднемировые показатели, на

³¹ <http://news.accona.ru/?id=8651>

проценты – показатели большинства индустриально развитых стран. Однако этот рост по-прежнему примерно в полтора раза ниже, чем в Китае, а отставание России по физическому объему ВВП от развитых стран продолжает увеличиваться.

1.4. Сочетание демографической и геополитической катастроф, угрожающее ликвидацией государственности в ее современных границах.

Как уже отмечалось, социально-политическая революция как историческая ситуация представляет собой период и серию множественных катастроф. Будучи порождена именно системным кризисом, она в той или иной степени с неизбежностью подвергает разрушению все основные подсистемы социума, вызывая катастрофические последствия, соответственно, во всех важнейших сферах общественной жизни.

Социально-политические процессы в России 1990-х гг. полностью соответствовали характеристике революции как исторической ситуации. В последнее десятилетие прошедшего века в России совпали (точнее, слились и, вызывая эффект резонанса, взаимно стимулировали друг друга) пики падения по нескольким циклам развития: технологическим, экономическим, национальных отношений, циркуляции элит и т.п. В результате возникли множественные катастрофы социогенного характера, главными среди которых стали: социально-экономическая, финансовая, социотехнологическая, социальная в узком смысле (т.е. катастрофа в социальной сфере), социально-нравственная, социально-демографическая и геополитическая. На двух последних необходимо остановиться подробнее.

Катастрофа социально-демографическая – «русский крест». Эта катастрофа производна от других и, быть может, наиболее опасна.

Начиная с 1992 г., в стране наблюдается резкий рост смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте, при одновременном снижении рождаемости. Это явление и получило в литературе образную характеристику «русский крест». Несмотря на приток беженцев и переселенцев из бывших республик СССР, с 1992 по 1999 г. население России сократилось со 148,3 млн. до 145,5 млн., причем это явление было характерно почти для всех регионов. Если в 1990 г. «естественная убыль» населения зафиксирована только в 9 республиках, краях, областях, то в 1999 г. - в 74. Только за три года (1998-2000) в России стало на 4 млн. меньше детей. Хотя данные переписи населения 2002 г. отразили замедление демографической катастрофы (в стране оказалось не 143,5, как прогнозировали, а 145 млн. человек), общей картины это не меняет.

В 2004 г. население страны составило приблизительно 143 млн. человек. По самым оптимистическим прогнозам, при сохранении современных тенденций оно в ближайшие 25 лет сократится на 10-15 млн. человек, а к 2050 г. - приблизительно до 100 млн. человек. Согласно же пессимистическому варианту одного из прогнозов Госкомстата, к 2025 году численность населения страны не будет превышать 100 млн., к 2050 г. – 75 млн., а к 2075 - 50-55 млн. человек. Неожиданную актуальность приобрело предостережение Владимира Набокова о том, что Россия может разделить судьбу Древнего Рима: культура останется, а народ исчезнет!

Учитывая, что, по прогнозам ООН, население Китая составит к 2025 г. 1,5 млрд. человек, Индии – 1,6 млрд., что численность населения США также возрастет на 50 млн. и составит 325 млн. человек, можно с уверенностью предположить возникновение новых трудно разрешимых геополитических проблем.

Катастрофа геополитическая: крушение сверхдержавы, однополярный мир, перекрестные угрозы национальной безопасности.

В результате революции первой половины 1990-х гг. была разрушена одна из ведущих мировых цивилизаций - Советский Союз (Большая Россия, евразийская цивилизация, российский суперэтнос и т.п.). Российской Федерации (усеченной России), которая утратила статус сверхдержавы, предстоит сложная борьба за сохранение статуса одной из великих держав. При этом, по оценкам Г. Осипова, в 1996 г. «По 24 основным показателям страна вышла за пределы допустимого критического уровня, за которым

начинается распад общества и государства, физическая и нравственная деградация человека»³².

Мир фактически стал однополюсным, а границы политического влияния и экономического господства единственной сверхдержавы — США — значительно расширились. Союз НАТО превратился в самый мощный в истории военно-политический блок. Никакие заверения зарубежных и отечественных политиков о том, что расширение НАТО России не угрожает, не могут успокоить общественное мнение. Не случайно бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в статье «Цели НАТО под вопросом» писал о том, что «любое расширение НАТО неминуемо приведет к проведению новых линий разделов», т.е. к еще большей изоляции России. Неопределенные обещания допустить Россию в Североатлантический блок в отдаленном будущем вряд ли могут восприниматься всерьез, учитывая ее положение на стыке трех цивилизаций:

- западной, которая, как выяснилось, не готова принять бывшую сверхдержаву как полноценного и равноправного члена;
- китайской – потенциального лидера XXI века;
- мусульманской – наиболее активной (пассионарной) и на этой почве нередко порождающей исламский фундаментализм.

Вопреки оптимистическим ожиданиям конца 1980-х - начала 1990-х гг., которые разделяли многие выдающиеся ученые и политики, в результате разрушения Советского блока не сократилось, но значительно возросло количество региональных вооруженных конфликтов, которые фактически стали частью затяжной войны между богатым Севером и бедным Югом, между западной и мусульманской цивилизациями и т.п. При определенных условиях эти локальные конфликты вполне способны перерасти в конфликт глобальный.

Ключевым для понимания новой геополитической ситуации является тот факт, что в силу своего географического и социокультурного положения российская цивилизация в течение длительного времени являлась одновременно водоразделом и мостом между Востоком и Западом. Пересыхание этого водораздела и крушение моста при определенных вариантах исторического развития может подтвердить правоту гарвардских сторонников социокультурного детерминизма (С. Хантингтон и др.), полагающих, что границы цивилизаций являются одновременно потенциальными линиями фронта.

В подобных условиях при сокращающемся населении, сырьевой экономике и технологическом отставании от наиболее передовых стран Россия практически обречена на то, чтобы стать объектом борьбы за сферы влияния между ними, причем борьбы тем более острой, чем острее будет ощущаться дефицит стратегических запасов сырья, потепление климата и перемещение благоприятных для жизни зон на север, а также перенаселение планеты. Заслуживает серьезного внимания мнение ряда экспертов о том, что для научно-технологического прорыва у страны остается 25-30 лет исторического времени. В случае же консервации наличных тенденций развития Россия с высокой вероятностью сменит роль одного из ведущих «игроков» международной политики на роль «болвана в польском преферансе» (говоря словами героя известного фильма), или, в терминологии «Великой шахматной доски», на роль легкой фигуры, которую всегда можно разменять или принести в жертву.

2. Практически единственным для страны шансом сохраниться в качестве Великой державы и занять достойное место среди передовых народов и государств остается путь опережающей модернизации, главным локомотивом которой способна выступить, как было показано выше, образовательная и научно-инновационная политика. В свою очередь, двумя основными условиями выхода страны на траекторию опережающего развития следует признать:

³² Осипов Г.В. Указ соч. С. 26.

а) отказ от организационно-управленческих революций в образовательной и научной сферах (повторим: сохранение накопленного потенциала в данном случае важнее реформирования);

б) «отрицание отрицания», т.е. принципиальное изменение революционного и постреволюционного курса в широком спектре направлений внутренней политики государства, в том числе:

- поддержка высокотехнологичных отраслей отечественного производства. – Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и задаст вектор модернизации страны;

- стимулирование развития таких форм собственности, которые обеспечивают участие работников в распределении полученного дохода и управлении производством. Одна из возможных моделей в свое время была предложена знаменитым врачом и политиком Святославом Федоровым в известном Федеральном Законе «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», который в Госдуме II созыва получил поддержку не только левой оппозиции, но и многих депутатов проправительственной ориентации. – Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в том числе гражданского;

- система налогообложения, направленная одновременно на стимулирование развития высоких технологий и ограничение социального неравенства, которое в России превзошло критические для национальной безопасности показатели. При этом доходы от инновационной деятельности должны облагаться иначе, чем от добычи и вывоза сырья, доходы академических коллективов – иначе, чем шоу-бизнеса, а доходы, используемые гражданами на получение образования, в отличие от затрат на престижное потребление, - не облагаться вообще. – Все это имеет не только экономическое значение (фактически дополнительные инвестиции в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала»), но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно придает приоритетное значение);

- регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человеческого потенциала (образование, медицина, наука, культура и т.п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. – Это не только остановит отток квалифицированных кадров из «бюджетной сферы», но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

- реализация принципа: коммерческому искусству – коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству – низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство. Прямое законодательное предписание государственным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, – предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех средств массовой информации в части реализации ими образовательных программ. – В этом случае «четвертая власть» активно способствовала бы не деградации и дегуманизации личности, но ее просвещению и развитию, повышению престижа образования.

Разумеется, масштабное изменение внутривнутриполитического курса государства предполагает принятие и реализацию специальной программы опережающего развития образования и науки.³³

3. Ключевой проблемой остается вопрос о формировании политического субъекта опережающей модернизации. Тем более, что и в данном отношении для

³³ Один из вариантов такой программы представлен автором в статье «Образование - для всех» // Народное образование. – 2005. - № 5. – С. 9-19.

отечественной исторической ситуации характерен следующий парадокс: чем более острой становится общественная необходимость в таком субъекте, тем больше политико-юридических препятствий для его формирования создается властью.

Политическим субъектом опережающей модернизации с вероятностью, близкой к 100%, не может быть существующая «партия власти», которая в последние 12 лет сменила несколько названий, однако, в сущности, осталась прежней.

Эта партия, во-первых, в строго политологическом смысле представляет собой, скорее, клиентелу и не имеет собственного политического лица.

Во-вторых, как было отмечено выше, парламентские фракции этой партии регулярно имеют самый низкий рейтинг поддержки образования.

В-третьих, в тех случаях, когда собственные идеологические ориентации части политической элиты, объединенной в «партию власти», все же проявляются, они оказываются право-консервативными, а отнюдь не «центристскими».³⁴ Между тем, в индустриально развитых странах значение образования для модернизации страны и лозунг «Образование - для всех» более последовательно отстаивают партии левой и левоцентристской ориентации, хотя и в программах правых образование представлено в качестве общецивилизационной ценности.

Наконец, в-четвертых, вероятность единственного случая, когда отечественная «партия власти» была бы способной поддержать программу опережающей модернизации, - а таким случаем может стать только избрание Президентом России разделяющего эту программу политического лидера, - такая вероятность в настоящее время ничтожно мала: ни действующий Президент, ни его предполагаемые преемники никаких стратегических разработок на эту тему никогда не презентовали.

Субъектом модернизаторской образовательной и научно-инновационной политики могла бы стать та часть так называемой правой оппозиции, которая в последнее время заметно сдвинулась влево и активно провозглашает необходимость социальных гарантий для граждан России. Подобные настроения присутствуют в ДПЯ, РПР, партии «Наш выбор», партии «Слон» и др. Есть основания ожидать, что эти настроения будут расти, поскольку, с одной стороны, «партия власти», видимо, скоро окончательно определится в качестве правой, а оппозиционное положение политических течений, именующих себя правыми в настоящее время, будет неизбежно толкать их влево. Кстати призыв к левому повороту уже прозвучал от опального «экс-олигарха» М. Ходорковского³⁵.

Значительно шире настроения в пользу опережающей модернизации представлены в кругах лево-патриотической оппозиции (КПРФ, «Родина» и др.). Однако и здесь они охватывают не всю «генеральную совокупность» политиков, но преимущественно тех, кто понимает государственные интересы как интересы большинства граждан данного государства. В данной части политического спектра такие настроения тоже должны нарастать по мере движения к нормальной (для индустриально развитых стран) расстановке политических сил, когда левые ориентации преобладают в кругах интеллигенции и студенчества, а правые, помимо бизнеса, - в кругах лиц, связанных с материальным производством (в частности, сельскохозяйственным).

Учитывая, что (1) все названные выше партии квазиправой и левопатриотической ориентации получают на выборах от 1/4 до 1/3 голосов и что, (2) согласно социологическим опросам, около половины населения России никаким партиям не доверяет вовсе, заслуживают внимание проекты формирования непартийных (надпартийных, межпартийных и т.п.) общественных движений, главной задачей которых провозглашается такое воздействие на власти всех уровней, которое

³⁴ Неслучайно Председатель Комитета Совета Федерации по международным делам М. Маргелов заявил о намерении «Единой России» устанавливать тесные связи именно с консервативными партиями Европы.

³⁵ М. Ходорковский. Левый поворот // Ведомости. - 2005. - 1 августа. - № 139.

заставило бы их проводить опережающую модернизацию на базе образовательной и научно-инновационной политики. В качестве названия одного из таких проектов был избран известный лозунг ЮНЕСКО «Образование – для всех». Подобным проектам не гарантирован успех, однако их провал практически гарантирует неудачу замыслов опережающей модернизации страны. Видимо, это тот случай, когда интеллигенции стоит вспомнить миф о Сизифе в интерпретации Альбера Камю...

Итак, стратегия модернизации России требует принципиального изменения отношения государства к образовательной и научно-инновационной политике и, соответственно, нового курса во внутренней политике в целом.

Социально-философскими основаниями современного российского политического курса (декларируемыми или недеклаируемыми – не важно) выступают:

- экономический детерминизм, в том числе монетаризм как его крайняя разновидность;
- идеология революционного разрушения прежней общественной системы, включая ее образовательные и научные институты;
- концепция «догоняющей конвергенции».

Напротив, социально-философскими основаниями стратегии модернизации России могли бы стать:

- социально-образовательный детерминизм как обновленный вариант детерминизма социально-экономического;
- идеология принципиальной предпочтительности в сферах образования и науки эволюционного пути перед социально-политическими и организационно-управленческими революциями (системная эволюция как основа «революции знаний»);
- концепция опережающего развития.

Как ни трудно представить себе отечественное образовательное и научное сообщество в качестве политического субъекта опережающей модернизации страны, любой другой политической субъект в ближайшей перспективе представить себе практически невозможно.